

НЕКРОПОЛЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ¹

И.А. Разумова

Информационное поле некрополя

В обширной литературе, посвященной тем или иным аспектам функционирования некрополя, можно выделить множество направлений. Самостоятельные области представляют, во-первых, многочисленные философские исследования, в которых кладбища рассматриваются, в основном, в их отношении к разным формам концептуализации смерти; во-вторых, специальные работы, касающиеся организационно-хозяйственных вопросов и технологий захоронения; в-третьих, историко-этнографические труды о традициях погребальных обрядов; в-четвертых, многочисленные историко-культурологические описания конкретных некрополей, представляющих историческую ценность; в-пятых, искусствоведческие штудии об истории мемориальной некропольной скульптуры и многие другие. Все эти ракурсы, взятые в совокупности, позволяют рассматривать некрополь как пространство, в котором сходятся разнообразные интересы живых людей. Это «территория для умерших», которая выделяется, оформляется живыми и является местом осуществления определенных видов деятельности. Кладбища естественно включены в сферу общественных потребностей различных социальных групп и индивидов. Их справедливо можно отнести к особой категории социальных пространств.

Заметим, что термины «некрополь» и «кладбище» нами в данном случае используются как частичные синонимы. Вместе с тем в их семантике есть безусловные различия. В настоящее время по словарным определениям, использованию в литературе можно установить следующие значения некрополя: 1) совокупность захоронений, рассматриваемая в пределах одного кладбища, в масштабах города, области, государства; 2) сочетание захоронений и мемориальных памятников, рассматриваемых как произведения изобразительного искусства и литературы, а также как исторический источник; 3) сочетание захоронений (включая и места, где уничтожены мемориальные памятники) и комплекса источников по истории формирования и существования кладбищ, включая списки захоронений и литературу, посвященную данному вопросу². Кроме данных значений, в обыденных и специальных словоупотреблениях присутствуют и другие: большое кладбище (особенно применительно к древним историческим городам) или место большого количества захоронений, кладбище с особым историко-мемориальным статусом, окказионально – иные.

По нашему мнению, некрополь справедливо рассматривать не только как совокупность захоронений и мемориальных памятников, которая представляет часть истории культуры городов и местностей, а также национальной культуры в целом. Одновременно это совокупность представлений и обрядов, направленных, в первую очередь, на сохранение и поддержание памяти об умерших. Уже только в силу разработанности погребально-поминальной ритуальности кладбища и некрополи выступают как специфическое коммуникативное пространство.

С любой точки зрения: научной, философской, религиозной, мифологической, – кладбища призваны, с одной стороны, разделять живых и умерших, с другой стороны, обеспечить их «контакт». Эти метафункции некрополя наполняются разными смыслами в зависимости от мировоззренческих установок и социальной позиции осмысливающего их субъекта. Так, необходимость разделения живых и умерших продиктована санитарно-гигиеническими, и религиозными, и социально-психологическими, и, очевидно, иными потребностями. Что же касается символических коммуникаций между живыми и умершими, то даже если оставить в стороне их бесспорные религиозно-мифологические основания, следует признать объективную потребность отдельных групп и общества в целом поддерживать свою идентичность, воспроизводить себя, а, следовательно, сохранять социальную память.

Я. Ассман, работы которого значительно способствовали развитию концепции культурной памяти, предложенной М. Хальбваксом, пишет: «Мертвые и память о них не передаются «традицией». То, что о них помнят, есть дело эмоциональной привязанности, культурной работы и сознательного, преодолевающего разрыв, обращения к прошлому. Эти же элементы образуют то, что мы называем помнящей культурой, и выделяют ее из потока традиции»³. В теории культурной памяти Хальбвакса последовательно разграничиваются и противопоставляются «история» (как традиция) и «память» (как актуальная коммуникация). Данное противопоставление основывается на позитивистском понимании истории, в соответствии с которым история воспринимает исключительно различия и разрывы преемственности, коллективная память – сходство и преемственность (затушевывая изменения и поддерживая идентичность). Принять данную оппозицию отчасти мешает понимание того, что способы оформления, артикулирования, функционирования социальной памяти вырабатывает именно традиция. Бесспорно, что «фигуры воспоминания» (Я. Ассман), так или иначе, модифицируются в соответствии с социальными, техногенными, природными изменениями, но существуют они лишь на основе выработанных культурой форм.

Последователи М. Хальбвакса уже не являются приверженцами строгой дихотомии «история vs память». Противоречие преодолевается с помощью иной категоризации понятия «социальная память» и признания того, что историография является особым родом социальной памяти⁴. Это означает, что «культурную работу» и «сознательное обращение к прошлому» имеет смысл рассматривать как деятельность, которая осуществляется, помимо прочего, и в социальном пространстве некрополя. Продуктивность такой деятельности демонстрируют многочисленные историко-культурологические описания отдельных некрополей, историко-демографические исследования и, в частности, результаты работы П.В. Федорова и коллег по изучению мурманского некрополя⁵.

Мы исходим из того, что некрополь, справедливо рассматриваемый как источник исторических сведений, является информационным пространством. Во-первых, он аккумулирует значительные пласты информации, которые относятся к истории культуры, истории ментальностей, ритуальным практикам, отражают социально-демографическую структуру населения того или иного места в ее динамике и многое другое. Кладбища, рассматриваемые по определенным показателям, могут выступать индикатором социокультурных проблем – как общества в

целом, так и локальных, этнических, профессиональных и прочих социальных групп. Вся эта информация извлекается, прежде всего, профессионалами при использовании ими определенных научных процедур. Во-вторых, именно в качестве информационного пространства некрополь выступает местом коммуникации, и отнюдь не только ритуальной. В случае с исследователями-профессионалами коммуникация в пространстве некрополя может быть как опосредованной – через прочтение «текстов культуры» («памятники свидетельствуют», «старое кладбище рассказало» и т.п.), так и непосредственной – через общение с работниками кладбища, посетителями или представителями духовенства, между собой – в процессе работы на территории некрополя, при проведении «спонтанных экскурсий» с информантами и в некоторых иных коммуникативных ситуациях, которые инициируются специалистами. Нет необходимости здесь перечислять и анализировать все прочие ситуации обмена информацией, которые естественным образом возникают на кладбище и без участия профессионалов.

Многообразие практик

Рассмотрение некрополя как социального пространства в самом общем виде может осуществляться в различных ракурсах: функциональном, типологическом, структурном, темпоральном, топографическом и некоторых других. Различные аспекты функционирования некрополей, в той или иной степени, постоянно являются предметом изучения в историко-этнографических и историко-антропологических трудах. Фактически ни одно исследование, посвященное погребально-поминальным обрядам, не может обойтись без обращения к этому локусу, поскольку описываются происходящие на нем ритуальные действия, ритуальный этикет. В соответствии с этнографическим определением, кладбище – «место погребения усопших, с которым связаны поверья о пребывании душ умерших и демонов; «святое» место, где соблюдается известный ритуальный этикет, совершаются поминальные обряды»⁶. Наиболее интересные в теоретическом отношении идеи о кладбище как социальном пространстве содержатся в «классических» этнографических трудах Д.К. Зеленина⁷ и структурно-семиотических исследованиях погребального обряда (работы О.А. Седаковой⁸, А.К. Байбурина⁹). Эти идеи связаны с социальной дифференциацией погребений в зависимости от статуса смерти («естественной» или «неестественной»), с функционированием пространства кладбища в процессе развертывания ритуального сценария, с внутренней стратификацией некрополя, семиотикой кладбища в целом и отдельных его частей, ролями участников погребения и т.д. Много конкретных наблюдений, которые позволяют делать выводы социологического характера, содержат выполненные на эмпирических данных описания традиционных погребально-поминальных обрядов разных регионов России¹⁰. Что касается специальных этнографических работ, то они единичны¹¹ или преимущественно описательны, локальны и посвящены исключительно сельским кладбищам¹². Широкие сравнительные исследования этнолокальных и региональных некрополей, в которых бы рассматривались религиозно-конфессиональные и этнические традиции организации кладбищ в национальном социальном пространстве¹³, насколько нам известно, на российском материале пока отсутствуют.

Одним из перспективных в изучении некрополя следует считать историко-антропологическое направление. Важнейшим импульсом к его развитию послужили завоевавшая широкую научную популярность концепция Ф. Арьеса¹⁴, в которой типологизируется отношение к смерти в истории европейской культуры, а также последовавшая конструктивная критика, в частности, со стороны А.Я. Гуревича¹⁵. Многие утверждения французского антрополога об истории функционирования кладбищ убедительно подтверждены историческими данными, другие имеют характер гипотез. В частности, материалы и анализ Ф. Арьеса наглядно свидетельствуют о противоречиях между правовыми основаниями деятельности кладбищ и реальными практиками в тот или иной исторический период, о наличии и характере особых экономических отношений по поводу мест захоронения. Источники различного типа позволяют проследить историческую динамику функций некрополя, пронаблюдать, как воплощаются социально-статусные иерархии в его пространстве, а также выявить культурные смыслы кладбищ в разные эпохи и в соответствии с типом концептуализации смерти.

Изучение некрополя в функциональном ракурсе представляет в наши дни первостепенный интерес, в том числе и потому, что необходимость существования кладбищ в современном обществе все чаще ставится под сомнение. В когнитивном плане этому немало поспособствовали историко-антропологические построения Ф. Арьеса, его поклонников и последователей. Напомним, что в типологии, предложенной ученым, последняя по времени модель отношения к смерти обозначена как «перевернутая смерть». Она характерна для новейшей ступени цивилизационного развития, прежде всего, европейских стран. Согласно этой, уже фактически общепринятой в науке концепции, современное «общество изгоняет смерть, если только речь не идет о выдающихся деятелях государства <...>. Смерть больше не вносит в жизнь общества паузу, Человек исчезает мгновенно. В городах все отныне происходит так, словно никто больше не умирает»¹⁶. Страх смерти, ее медиализация, изгнание, распространение кремации, различных «экзотических» способов погребения и обращения с прахом умерших и другие явления того же ряда отражаются на отношении к кладбищам. «Выбрать крематорий – значит отказаться от культа могил и кладбищ, как он развивается на протяжении XIX в. <...> Еще радикальнее выглядит позиция тех, кто предпочитает развеять прах умершего. <...> Неверно, однако, думать, будто отказ от захоронения тела в землю свидетельствует о безразличии и готовности забыть умершего. Решая сжечь тело, родственники отказываются материализовать место и свою связь с покойным, отвергают мысль о медленном разложении тела в земле и вообще публичный характер кладбища, но тем самым они утверждают абсолютную личную и приватную природу скорби и памяти об усопшем. На смену культу могилы приходит культ памяти, поддерживаемый дома <...>; большая скорбь и привязанность к усопшему вполне совместимы с пренебрежением к его могиле, остающейся зачастую местом ненавистным: там истлевают тело дорогого существа»¹⁷.

Таким образом, культовая и мемориальная функции плохо совместимы. Как представляется, столь же мало совместимы «память» и «скорбь». Скорбь свидетельствует о сильном эмоциональном переживании, а мемориализация является деятельностью по конструированию прошлого, и она в высокой степени сознательна, отрефлексирована. Следовательно, по логике вещей, эта деятельность от-

вечает самосохранительной потребности, исключая случаи, когда субъект желает быть в роли «жертвы» или стремится к самоуничтожению во имя сохранения памяти о ком-либо (это модель поведения некоторых вдов и особенно матерей, потерявших детей).

Трудно отрицать, что кладбище является полифункциональным местом, и таким оно было во все эпохи. Исторически и культурно изменчивы лишь конфигурации функций, их иерархии. Условными полюсами на семиотической шкале можно считать сугубо утилитарную (утилизация останков) и культовую функции, которые, судя по археологическим данным и историческим реконструкциям, изначально были у кладбищ. В дальнейшем, сохраняя основное предназначение, это пространство использовалось весьма многообразно. Если верить Ф. Арьесу и другим медиевистам, «в течение всего Средневековья и до конца XVII в. кладбище соответствовало как идее общественного места, так и другой, сегодня единственной, идее некрополя»¹⁸. Для определенных категорий лиц оно было убежищем или просто местом жительства (прежде всего, духовенства). Кроме того, на кладбище встречались, гуляли, даже торговали, там проводились религиозные и светские мероприятия (например, отправлялось правосудие), совершались сделки¹⁹. Рассуждая о современных ему американских кладбищах (напомним, что книга была опубликована в 1977 г.), Арьес отмечал, что кладбища, особенно частные и дорогие, стремятся «примирить традиции с современным табу на смерть». Кладбище остается мирным и поэтичным местом, куда приходят живые навестить мертвых и одновременно становится местом жизни: коммерческим центром, местом проведения торжеств и прочего²⁰.

Сопоставление мест погребения и их функций в разных культурах убеждает в ограниченности эволюционистского подхода к некрополю. В статье с характерным заглавием «Кладбище Монпарнас в Париже: пространство мертвых или пространство живых?» М.А. Грива пишет: «Современные кладбища служат тому, чтобы растворить смерть в жизни <...>. Они имеют эстетическое назначение, как и «живые» трупы, которые они призваны принимать. Кладбища превратились в пространство жизни, стали использоваться как парки, как недвижимое имущество <...>. Кладбище становится туристическим местом! Что означает эта культурная и социальная трансформация? <...>. Пространство мертвых становится экзотическим. Став туристическим аттракционом, культурной достопримечательностью, оно выставляется напоказ как своего рода палеолитический монстр <...>. И это массовое явление, которое, смешивая культурные и развлекательные практики, только подчеркивает процесс трансформации функционирования кладбища»²¹. Прокомментируем это высказывание. В первую очередь, заметим, что речь в статье идет о конкретном некрополе, включенном в конкретный национально-культурный контекст. «Пространством жизни» становятся некрополи только определенного типа (или типов). Подчеркнем, что посетителей-«туристов», которые преследуют познавательные и рекреационные цели при посещении некрополя, как минимум, должно мало что связывать с погребенными. «История» и «коммуникативная память» дистанцируются не только во времени, но и в социальном пространстве. «Экзотичность» – это и есть указание на социальную дистанцию. Разумеется, дистанция может наличествовать и в случае «собственных» предков – дедов и прадедов, лицемерие могил которых еще не означает осознания и пережи-

вания причастности к ним. То или иное отношение к некрополю и к разным категориям погребенных (могил) больше указывает на социальный тип посетителя, нежели свидетельствует о функции некрополя в обществе или об эволюционных функциональных изменениях. Тем не менее, вряд ли найдется много людей, способных занять позицию отстраненного визионера («туриста») на кладбище, где, например, похоронены собственные родители. Обходы могил (как «знакомых», так и «чужих»), которые практикуются во время посещения кладбища, функционально различаются. Одно дело – познавательный осмотр некрополя, другое – визит к «своим», в том числе с целью ухода за могилой. При этом существенным обстоятельством является принадлежность визитера к локальной, поселенческой группе, степень связи с ней. Аутсайдер не имеет «знакомых» среди похороненных, в отличие от включенного посетителя, который связан с умершими памятью общности и навещает известные ему могилы или отыскивает на табличках памятников знакомые фамилии.

Социальную дистанцию создает различие статусов посетителей кладбища, с одной стороны, и (прижизненного) погребенных, с другой стороны. Чтобы стать местом спонтанных или организованных экскурсий, некрополи должны обладать особыми свойствами, связанными с национальной, региональной, этнической, профессиональной или иного рода культурной значимостью и идентичностью. Это кладбища, на которых похоронены выдающиеся («знаковые») личности: политические, культурные, церковные, военные деятели и т.п. Культ таких личностей не составляет прямой аналогии культу предков, хотя и здесь не исключается действие идентифицирующего механизма, «сопричастности» для лиц определенных категорий (так любители или деятели искусства совершают паломничество к могилам почитаемых музыкантов, художников, поэтов). Представляется, что в массовом варианте посещение могилы великого артиста, писателя, политика и т.п., скорее, соотносится с обычаем фотографироваться около достопримечательности, «отметиться» в известном месте и тем самым увеличить собственный культурный капитал.

Вообще говорить о «туристическом» значении некрополя следует с особой осторожностью. Во всех известных случаях, когда отмечается эта функция, речь, как правило, идет о разных вещах. При отсутствии «родных» могил кладбища становятся местом индивидуального или коллективного посещения и осмотра в силу различных причин. С этим аспектом функционирования некрополя связана проблема типологии мест захоронения в целом и кладбищ в частности. Типологические вопросы должны рассматриваться особо. Пока лишь отметим в порядке гипотезы, что «специализированные» кладбища имеют больше шансов стать местами, посещаемыми в силу особого интереса, с познавательными или культовыми целями. Это касается, например, воинских кладбищ или участков захоронений, связанных с периодом войны (Великой Отечественной, афганской, любой другой), особенно если она осмысливается как «судьбоносное» в истории Отечества событие. Значительную часть населения соединяют с такими некрополями и память (личный и групповой опыт, переживание), и история (национальная идентификация). В силу этого обстоятельства посещение воинских погребений является делом официальным и государственным, а, следовательно, включенным в систему обязательной индоктринации: школьного образования, военно-патриотического

воспитания гражданской молодежи, молодых военнослужащих и т.д. Если мемориализация события или исторического периода не служит в данный момент интересам государства, посещение кладбища или осуществляется стихийно индивидами (по степени причастности) и группами, или организуется общественностью, которая выражает интересы тех или иных групп. В последнем случае мемориальные мероприятия могут носить «протестный» характер.

Вследствие исторических причин общее кладбище может приобрести уникальный культурный статус и стать местом паломничества. Примером является Волковское кладбище в Санкт-Петербурге, на котором похоронено много выдающихся людей, в первую очередь, писателей и которое получило благодаря этому название «Литераторские мостки». Другой пример – кладбище дачного поселка Комарово под Петербургом, место последнего успокоения ряда выдающихся ученых, писателей, деятелей культуры. Многие кладбища приобрели известность и стали местом проведения экскурсий после того, как на них были похоронены известные личности. Не случайно на подобных кладбищах имеются указатели, как пройти к той или иной могиле.

Еще одной причиной, по которой некрополи становятся экскурсионным объектом, является признание их культурно-эстетической ценности. Они представляют интерес как средоточие произведений мемориальной скульптуры, типов надгробных сооружений, эпитафики и т.п. Естественно, что для специалиста (историка, филолога, скульптора и др.) любое кладбище обладает соответствующей ценностью. Что же касается посещения подобных некрополей непрофессионалами, его условием служат известность объекта, знание о нем из доступных источников и/или включение в туристическую инфраструктуру.

Заметим, что некрополь может быть местом осуществления ритуальных действий, отнюдь не связанных с погребением. Данное явление можно отнести к «вторичному использованию» культового места. Это касается, в первую очередь, символики отдельных субкультур. Так, представители молодежной субкультуры готов совершают свои ритуалы именно на территории кладбищ.

В качестве повседневного пространства кладбище может быть «местом культурного отдыха», прогулок, особенно для любителей романтизированного культурного ландшафта некрополя (например, поклонников авторов, создавших «кладбищенскую поэзию»). Рекреационные возможности некрополя обычно отмечаются западными исследователями. Однако, в отличие от ряда западноевропейских культур, российская традиция в значительно меньшей степени предполагает такой вид отдыха, и кладбища выполняют данную функцию только в случаях, которые надо оговаривать специально. Во-первых, сами кладбища должны обладать исключительными признаками: быть очень старыми, нетипично для России ухоженными (паркового типа), культурно отмеченными (прежде всего, в классической литературе) и т.д. Во-вторых, «прогулки по кладбищу» практикуют только определенные категории лиц. Их социальные и субкультурные характеристики, обусловленные профессией, образованием, свойствами личности и т.д., скорее, тоже тяготеют к исключительности. И предпринимаются такие прогулки не столько с оздоровительными целями (подышать свежим воздухом), сколько ради «духовной» деятельности. В российском культурном пространстве кладбища в большей степени наделяются смыслами, которые препятствуют рекреации.

В этой связи следует признать, что в российском обществе является недооцененной экологическая функция кладбищ, особенно актуальная для городов. Между тем этническая и православная традиции захоронения, предполагающие посадку деревьев и кустарников у могил, не говоря уже о цветах (принадлежности городской культуры), способствуют тому, что на территории некрополя размещается значительная часть городских зеленых насаждений. В законодательстве многих стран кладбища приравнены к общественным и частным озелененным территориям, не подлежащим застройке. Парковый характер обширных кладбищ приближает человека к природе и позволяет использовать их в городах как место отдыха.

Память и поминки

Можно уверенно предположить, что степень светского «оживления» обычного, не специализированного и не знаменитого кладбища коррелирует с его возрастом и сроком давности последних захоронений. «Старое кладбище» значительно легче становится не только сугубо мемориальным, но экскурсионно-туристическим объектом постольку, поскольку отдаляет смерть во времени, делая ее частью «истории», а не эмоционально переживаемой «социальной памяти». В соответствии с этой трансформацией происходят изменения поминальной ритуальности, пересемантизация ритуальных действий. Кладбище, на котором не хоронят, становится местом совершения не погребальных, а только поминальных обрядов. Это различие представляется существенным, если учесть различие смыслов тех и других. О.А. Седакова совершенно справедливо обратила внимание на это различие: «При совершении погребального обряда многое делается для з а б в е н и я покойного <...>, в поминальный день наоборот – для п р о б у ж д е н и я п а м я т и об умерших. <...>. Таким образом, побочный, противоречащий основному мотив похорон развивается в отдельный обряд, поминовение»²².

В славяно-русской традиции, как и в культуре многих европейских народов, поминальная ритуальность разработана в высшей степени. Поминальные обряды входили (и входят) в индивидуальный погребально-поминальный цикл, в круг общественных календарных поминовений, связанных с сельскохозяйственным циклом, а также приурочены к различным местным праздникам. В частности, по этнографическим данным, поминовение сопровождало храмовым праздникам, поскольку на них собиралось много родственников, что предоставляло широкие возможности для исполнения семейно-родового культа предков²³. Особенно массовыми были и остаются посещения кладбища во время летних и осенних праздников (канун Пасхи, Семик, Ильин день). С конца XX в. исследователи единодушно отмечают активизацию календарных поминальных практик с посещением кладбища, особенно в центральных районах России, на Украине, в Белоруссии. Из года в год стало возрастать число посетителей кладбищ, сельских и городских, в поминальные «родительские» и другие предписанные традицией дни²⁴. Знание поминальных обычаев обнаруживает достаточно высокий уровень сохранности, в том числе среди молодежи. Об этом свидетельствуют исследования, объектом которых было современное население малых городов Мурманской области²⁵.

Этнографы выделяют еще одну группу поминальных обрядов – индивидуальные посещения могил по разным поводам, которые «могли выступать и относительно самостоятельно, так сказать, вне поминального графика. Но по сравнению с приуроченным к поминкам коллективным паломничеством на кладбище обряды посещения могил по разным другим поводам носили менее театрализованный, скорее даже интимный, характер»²⁶. Собственно посещение могилы входит в ритуальные поминальные сценарии, но оно может осуществляться и отдельно – в связи со значимыми событиями в жизни индивида и семьи, после «вещего» сновидения, просто в силу личной потребности. Степень ритуализации поведения в ситуации посещения могилы может варьировать: от полного соблюдения ритуального сценария до простых «сидения» и «молчания», но в любом случае действуют специфические нормы. Существует особый этикет, следовать которому предписывает обычай при посещении кладбища, чем бы оно ни мотивировалось, вплоть до удовлетворения любопытства. Кстати, правила поведения на кладбище установлены нормативными документами, и ответственные организации стараются довести их до сведения посетителей – на случай неосведомленности в обычаях. Нарушение этикетных правил пребывания на кладбище воспринимается общественностью не просто как «невоспитанность» или «криминальное поведение» (в зависимости от того, насколько серьезны нарушения), но, прежде всего, как «оскорбление памяти умерших» и, следовательно, живых.

Таким образом, погребальная и поминальная (мемориальная) функции некрополя должны быть разграничены. Собственно осуществление погребения – в ритуальных формах или без соблюдения ритуала – может осуществляться в разных местах и по-разному. Если же вернуться к этимологии слова «погребение» (захоронение в землю) и соотнести его с многообразными практиками «утилизации» останков человека, придется признать, что для существования некрополей необходимы обоснования не утилитарного, а социально-культурного и социально-экономического свойства. Сомнительно, чтобы к таким основаниям в настоящее время можно было отнести «поддержание символической связи с предками». Хотя для очень многих людей и родственных общностей эта функция весьма актуальна, вряд ли меньшее число индивидов и семей признают, что память «живет внутри нас», и ушедших надо не столько «помянуть», сколько «вспоминать» или «помнить».

Социально-экономические противоречия

За обсуждением историко-культурных проблем некрополя, как правило, остаются на периферии очень острые вопросы, касающиеся выполнения кладбищем своего прямого утилитарного назначения. «Производственные» аспекты его функционирования до недавнего времени интересовали только специалистов-практиков. Для работников отрасли, занимающейся похоронным делом и подведомственной органам коммунального хозяйства, кладбище – это «градостроительный объект, имеющий обособленный участок земли, на территории которого располагаются места захоронений тел (останков) умерших и/или кремированных останков (праха) умерших, а также административные и производственно-технические здания, дороги, водопровод и другие элементы инфраструктуры»²⁷.

Одна из важных социальных функций кладбища для жителей городов состоит в том, что оно служит местом работы или объектом профессиональной деятельности. Опосредованно к работе кладбища имеют отношение многие институты, учреждения и организации. Непосредственными субъектами этой деятельности являются работники кладбища и различных фирм, предоставляющих ритуальные услуги. С их точки зрения, как и с позиций технологов, основными функциями некрополя являются грамотное осуществление погребения на основе разработанных технологий, а также санитарная и экологическая, которые реализуются в деятельности по обустройству мест погребения в соответствии с установленными нормативами²⁸. Федеральным законом «О погребении и похоронном деле» 1996 г. похоронное дело выделено в самостоятельную отрасль. Этим же законом гарантировано, что существующие места захоронений не подлежат сносу.

Утилитарные функции кладбищ постоянны и не утрачиваются, несмотря на распространение кремации. Во-первых, православная церковь – один из главных институтов, обеспечивающих погребение, неодобрительно относится к «огненному» его варианту, и ее точка зрения влияет как на верующих, так и на нерелигиозных приверженцев соблюдения православных (или иных этноконфессиональных) похоронных традиций. Во-вторых, крематории имеются только в крупных городах, в которых проживает меньшая часть населения России. В-третьих, погребальные практики относятся к числу самых консервативных, и преодолеть действие социально-психологического фактора в этом случае очень сложно, нужно длительное время. Наконец, кремирование не отменяет последующего захоронения урн на кладбищах. Все это актуализирует деятельность отрасли, которая, учитывая всеобщий характер потребности в ней, является очень прибыльной.

В последние годы получил распространение обычай анонимного погребения урн с прахом, при котором урну безо всякой атрибуции захоранивают в землю на специально отведенных для этого участках, практически без растительности, просто задерненных травой. Практика эта началась в Дании. В настоящее время многие города в Европе с населением более 50 000 человек отводят участки для анонимного захоронения урн. Тем самым оказывается доминирующим утилитарное назначение места погребения. Отношение тех или иных категорий людей к данному явлению, как и к различным проектам рациональной утилизации человеческих останков, достойно обширных сравнительных исследований. «Анонимность после смерти, по всей вероятности, является следствием обезличивания человека в нашем обществе, – пишет в этой связи один из старейших работников похоронной отрасли в России. – Чувство одиночества, опасение, что родственники не будут приходить на могилу, оставят ее в запустении, а иногда и финансовые соображения могут быть причиной принятия решения об анонимном погребении. Отсутствие надписи или иного обозначения места захоронения нередко начинает ощущаться родственниками умершего как невозполнимая потеря и препятствие для посещения могилы близкого человека»²⁹. Налицо целый комплекс драматических противоречий между интересами и ценностями человека, семьи, общества.

Функционирование кладбищ связано с их особенностями, которые определяются местом, временем, типами захоронений, социальным статусом погребенных, распределением ролей и ресурсов между участниками погребально-поминальных мероприятий и рядом других дифференцирующих признаков. Оно

одновременно зависит от глобальных трансформационных процессов и от личных переживаний отдельного человека. С точки зрения рассматриваемой нами проблематики, важно, что свои функции кладбище выполняет по-разному и по отношению к разным социальным субъектам. Оно является общественно и индивидуально значимым местом. Есть некрополи государственной значимости, есть «местнотчимые» (для локальных общностей). Особым образом связаны кладбища как таковые или определенного типа с теми или иными социальными группами (конфессиональными, профессиональными, субкультурными и пр.). Отдельные участки кладбищ, представляющие собой индивидуальные или семейные захоронения, являются «семейно-родовой» территорией, или семейной собственностью, и выполняют свои функции для семейных групп или индивидов. При этом нормы и ценности, потребности, представления различных субъектов в отношении кладбища, способа захоронения, оформления могил, использования пространства и многого другого могут не совпадать.

С развитием похоронного бизнеса многие функции семьи (и ближайших к ней общностей) в подготовке покойного к погребению и функции церкви – по осуществлению обряда перешли к таким организациям как морг и ритуальная служба. При этом трансформировались не только ритуальные сценарии, на что этнографы обращали внимание еще в 1970–1980-е гг. Изменилась структура социальных взаимодействий, связанная с некрополем, то есть произошла реорганизация социального пространства кладбища³⁰. В истории российского некрополя (как и в истории других национально-культурных ареалов) такие «перестройки» не являются редкостью. На них влияют социально-экономические реформы, изменения законодательной базы похоронного дела, переопределение статусов социальных институтов, технологические трансформации и ряд других факторов. С точки зрения функционирования социального пространства некрополя существенно то, что кладбище, призванное быть местом «упокоения» и «умиротворения», становится местом серьезных социально-экономических конфликтов. Характерное заглавие одной из публикаций на эту тему: «Бизнес бьется за смерть» – говорит само за себя³¹. Не случайно на вопросы функционирования кладбищ начали обращать внимание социологи, сосредоточенные, как правило, на актуальных современных социальных проблемах. Анализируя такие новые тенденции в развитии похоронного дела в пореформенной России, как коммерциализация, профессионализация и другие, они делают вывод, что «кладбище превращается в арену демонстрации намерений, предоставления доказательств устойчивости и значимости социальных позиций в современной общественной ситуации <...>. Непрозрачный ход событий в современном обществе преобразовывается на кладбище в легкую для считывания форму»³².

Ради соблюдения исторической справедливости заметим, что кладбища во все эпохи были «ареной демонстрации социальных позиций». Варьировались социальные субъекты, их «удельный вес», предмет и способы противостояния. Но будь то религиозные институты, этнические культуры, корпорации, сословия, кланы, семьи, ритуальные службы или другие социальные агенты в соперничестве за статус, правильное погребение, распределение материальных ресурсов, духовные ценности, доход, культурные смыслы, земельные участки и прочее – они представляют неопровержимые свидетельства того, что «борьба за место на клад-

бище» является социокультурной универсалией. Без сомнения, самой парадоксальной.

---

¹ Статья выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Погребально-мемориальная культура «советских» городов в XX – начале XXI вв.»

² Лукина Т.С. Современные надгробные сооружения: к вопросу об изучении / Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты // Наука и бизнес на Мурмане, №2, 2009. С. 43–45.

³ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 35.

⁴ Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis // Assman A., Harth D. (Hrsg.) Mnemosyne. Frankfurt, 1991. P.289–304; Ассман Я. Культурная память. С.45.

⁵ Федоров П.В., Синицкий А.Н. Мурманский некрополь. Мурманск: Кн. изд-во, 2008. – 208 с.; Кольский некрополь – памятник истории и культуры северного уездного города России XIX – начала XX вв.: Каталог / Сост. П.В. Федоров, А.А. Малашенков. Мурманск, 2010. – 19 С.; Малашенков А. А., Федоров П.В. Коляне (XIX - первая четверть XX в.) : историко-генеалогический атлас / Под общ. ред. П. В. Федорова – Мурманск: Мурман. гос. пед. ун-т, 2010. – Ч. 1. С. 22.

⁶ Плотнова А. А. Кладбище // Славянские древности: Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И. Толстого. Том 2. М.: Международные отношения, 1999. С.503.

⁷ Зеленин Д.К. К вопросу о русалках. (Култ покойников, мерших неестественной смертью у русских и у финнов) // Зеленин Д.К. Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901-1913. М.: «Индрик», 1994. С.230–298; Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки / Вступ. статья Толстого Н.И., подгот текста, комм. и указатели Левкиевской Е.Е. М.: Индрик», 1995. – 432 с.

⁸ Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: «Индрик», 2004. – 320 С.

⁹ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре. СПб.: Наука, 1993. – 240 с.

¹⁰ Кремлева И.А. Похоронно-поминальные обряды у русских: связь живых и умерших // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков. Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. (363 С.) С.72-87; Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1993. С.101–213; Носова Г.А. Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М.: ИЭА РАН, 1993. 254 С. (Российский этнограф. Альманах. № 6); Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX вв. Л.: «Наука», 1985. С.52–132; Тульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи // Русские. (Этносоциологические очерки). М.: Наука, 1992. С.355–368.

¹¹ Байбурун А.К. К семиотике кладбища у восточных славян // Семиотика культуры: тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара по семиотике культуры. Архангельск, 1988. С.25–27.

¹² Логинов К.К. Похоронный обряд и кладбище поморского села Гридино // Живая старина, 2003, № 2. С. 2–5; Добровольская В.Е., Кулешов А.Г. Кладбище в традиционной культуре Гороховецкого района // Живая старина, 2003, № 2. С. 6–10; Иванова А.А. Кладбища и могильники в культурной традиции Пинежского района Архангельской области. – Традиционная культура, 2007, № 28, с. 117–122; Карвалейру А.М., Матлин М.Г. Современные кладбища Ульяновской области // Живая старина, 2010, № 1, с.23–26 и др.

¹³ См., напр. американское исследование Р. Мейера, в котором кладбища рассматриваются как представительства истории, этничности, культуры различных конфессиональных и

этнических общностей: Meyer, R. *Cemeteries and Gravemarkers: Voices of American Culture*. Utah State University Press, 1992. - 347 p. Там же обширная библиография: P.330–339.

¹⁴ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: Пер.с фр. / общ. ред. Оболенской С.В. Предисл. Гуревича А.Я. М.: издательская группа «Прогресс». – «Прогресс-Академия», 1992. – 528 с.

¹⁵ Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии // Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993. С. 229–263.

¹⁶ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. С.455.

¹⁷ Там же. С.472.

¹⁸ Там же. С.86.

¹⁹ Там же. С.88–93.

²⁰ Там же. С.493.

²¹ М.А. Грива. Кладбище Монпарнас в Париже: пространство мертвых или пространство живых – Режим доступа: <http://cmb.rsuh.ru/print.html?id=66602>; она же, Культ могилы Виктора Нуара на парижском кладбище Пер-Лашез // Живая старина, 2010, № 1. С.37–39.

²² Седакова О.А. Поэтика обряда. С.260.

²³ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX вв. Л.: «Наука», 1985. С.122-123.

²⁴ Гульцева Л.А. Погребальные и поминальные обычаи. С.358; Носова Г.А. Традиционные обряды русских. С.154 и др.

²⁵ Разумова И.А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья) // Труды Кольского научного центра РАН. 3/2011. Гуманитарные исследования. Вып.2. 2011. С.5–18.

²⁶ Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел. С.123. См. также: Логинов К.К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. С.206–211.

²⁷ Сюткин Г.Н. Основы ритуально-похоронного дела. Учебное пособие. М.: Альфа-М – Интра-М. 2009. С.33.

²⁸ Бакутис В.Э. Санитарное благоустройство городов. М.: Изд-во литературы по строительству, 1964. С. 261-269; Оганян А.А. Работа земельных участков захоронений (практика, теория, экономика). М., 2007 – 160 с. и др.

²⁹ Попов В. Функции кладбищ. Правила распорядка, права и обязанности пользователей кладбищ в Европе // Журнал «Похоронный дом». Режим доступа: <http://www.funeralportal.ru/article.php?ObjectId=560>

³⁰ Подробнее см.: Разумова И.А., Барабанова Л.А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. Гуманитарные исследования. Вып.3. 2012 (в печати).

³¹ Бизнес бьется за смерть // Российская газета. Режим доступа: <http://www.mos-ritual.ru/novosti/biznes-betsya-za-smert>

³² Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования, 2010. №.9. С. 93–94.